

Миколас СЛУЦКИС

ДОНАТАС БАНИОНИС ИЗ ПАНЕВЕЖИСА

ПАНЕВЕЖИС — средней величины город на небольшой литовской реке, которая когда-то казалась мне огромной. Впрочем, и сам город казался мне огромным, сверкающим, куда-то летящим. Особенно, когда я, задрав голову, глядел на единственное пятиэтажное здание. С тех пор многое на свете изменилось, мой родной город раздался вширь и вывысь, опоясался современными заводами и предместьями, хотя война, словно в насмешку над мальчишкой, сшибла верхние два этажа того провинциального высотного «чуда».

Я иногда приезжаю тайком, брожу по улицам и окраинам, многого не узнаю и, к сожалению, не могу уже думать, что этот город — выдающийся в Литве и в большем мире. А на реку своего детства лучше и не глядеть — еле живая, дремлющая, она вобрала чересчур много промышленных отбросов.

Да, почти зауряден Паневежис по своим масштабам среди сотен и тысяч бурно растущих городов нашей страны, но — не всегда такое «но» должно настаивать! — из города, производившего сахар, муку, мыло и пиво, Паневежис стал городом своеобразной, по-своему уникальной театральной культуры, возбудителем нового в этом старейшем деле. Конечно, я имею в виду небольшой, но знаменитый театр Юозаса Мильтиниса...

Впрочем, сегодня хотелось бы поговорить не о самом Мильтинисе, а об одном из его учеников, выдающемся актере театра и кино Донатасе Банионисе. Не стану в свою очередь скрывать, что у каждого представителя этой великолепной труппы — неважно, кто бы это ни был: Банионис, или Бледис, или Бабкаускас, — угадывается направляющий перст Мильтиниса. Ведь зелеными юнцами, почти мальчишками, пришли они в тесное помещенье старого театра (теперь есть новый, современный!). Мильтинис был их единственным учителем, наставником, энциклопедией театральных навыков и знаний. Почти мальчишкой пришел в «домашнюю» студию театра и Банионис. Здесь сложилась его человеческая и актерская судьба, здесь учился на сценической азбуке, здесь же стал мастером и, кажется, посел, хотя выглядит он бодро и молодо со своей полуюшо-стриженной головой.

Донатас Банионис... Сейчас его знают миллионы людей, главным образом по фильму В. Жалакявичюса «Никто не хотел умирать» и другому, недавно обшедшему экраны фильму «Мертвый сезон» режиссера С. Кулиша. Спра-

ведливости ради добавим, что своему успеху эти популярные киноленты многим обязаны таланту Баниониса — исполнителя главных ролей.

Помните? В «Никто не хотел умирать» он — Вайткус, запуганный сельский житель, очутившийся в водовороте жестокой классовой битвы в послевоенной Литве. Мягкий, нерешительный, преданный отцу и чужой женщине, верно постигающий социальную подоплеку грозных событий, но втянутый в борьбу против своей воли, он, конечно, обречен. Вот идет Вайткус навстречу своей гибели, впечатляюще подчеркивая вечную драму тех, кто в переломные моменты истории стоит на обочине... Эпизод сценария «внезапно» стал эпицентром фильма, ибо Вайткус по-человечески правдив, а Банионис в его роли не делает ни одного нарочитого шага или движения.

В «Мертвом сезоне» Банионис — Ладейников, крупный советский разведчик, нацелившийся на святая святых военно-промышленного комплекса одной западной державы — на срыв производства страшнейшего бактериологического оружия. Ладейников во всем противополжен Вайткусу, его не раздрают сомнения, воля и ум его натянуты, как тетива у пучника, выпускающего стрелу. Такие характеры мы знаем по другим произведениям, это уже много раз мелькало — и подобные ситуации, и слова, — однако здесь сквозь характерную заданность пробиваются такая человеческая теплота и такая естественность, что мы забываем детективную условность формы. Ладейников Баниониса — человек сердца и мысли, сумевший обойтись без ореола непогрешимости, отбросивший миф заранее предрешенного успеха. Сила его именно в умении чувствовать себя только человеком, но человеком, убежденным в необходимости своего рискованного дела.

И «горемыка» Вайткус, и «исключительный» Ладейников подкупают сдержанной искренностью, лаконичностью исполнения, характерной для актеров паневежской школы.

Как бы сегодня ни был Донатас Банионис известен в кино, мастерство его выковалось и особенно многогранно проявилось именно в театре — на той маленькой сцене маленького здания, из которого Мильтинис и его актеры только недавно перешли в новое. Он и Пятрас в «Дне рождения» А. Венцловы, и Давыдов в «Поднятой целине» Шолохова, он и Бекман в «Там, за дверью» Борхерта, и Мебиус в «Фи-

зиках» Дюрренматта. Переломным моментом в его актерской судьбе стала роль Вилли Ломена в «Смерти коммивояжера» Артура Миллера. Это было, кажется, в 1958 году, и я помню, как мы, молодые писатели, зачарованно слушали его монологи с самим собой... Повеле-ло внутренней свободой и правдой настоящей жизни, не взятой в традиционные тиски сценической условности.

Не все — правдивости ради, скажем! — паневежские постановки достойны этого театра. Репертуар есть репертуар, его формируют разные обстоятельства. Но Банионис, как говорится, всегда на месте. Он-то не подведет, найдут краски даже для блеклого персонажа. Притом он тонко чувствует грань, за которой лаконичность становится просто сухой скороговоркой, а невозмутимость — бесчувственностью.

Признаться, я люблю этого актера, и когда в мыслях ищу сравнение, то невольно вспоминается Марчелло Мاستроянни — актер чрезвычайного широкого диапазона.

И все-таки: что же основное, главное в таланте Баниониса?

Один мой друг, архитектор, сторонник рациональных решений в искусстве, сказал мне: «Его сила — в интеллектуализме, аналитическом подходе к образу».

Другой — художник по профессии — подчеркнул интуицию Баниониса.

Третий — театровед — обратил мое внимание на умение Баниониса перевоплощаться, всегда оставаясь самим собою. Он как бы незримый двойник образа.

Как всегда, верный ответ складывается из многих ответов. Даже противоречивых.

Для того, что делает в театре и кино Банионис, недостаточно ни интуиции самородка, ни высокой техники интеллектуала. Нужен талант актера во всеоружии мастерства, и талант человека, живущего жизнью всех нас, его современников.

К сведению читателей: сейчас Банионис снимается в советско-итальянском фильме «Красная палатка», а на письменном столе — приглашение киностудии ДЕФА на роль Гойи по одноименному роману Фейхтвангера. Это вершина, которую нелегко будет взять... Но без вершин, маячащих вдали, художник не может творить. Потом, конечно, и эта вершина потускнеет для исполнителя, подобно тому, как для автора этих строк потускнело пятиэтажное «чудо» детства, и будут новые устремления и новые усилия, не дающиеся даром, без отдачи всего себя.

ВИЛЬНЮС